

УДК 130.2:004
doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.12
5.7.8.

Цифровая медиасреда и проблемы приватности

Леся Владимировна Чеснокова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

Аннотация. Дигитализация всех сфер общественной жизни привела к перемещению многих социальных практик в виртуальное пространство. В результате появились риски утраты контроля доступа к личной информации. Это вызывает опасения по аналогии с цифровым паноптикумом. Изначально право на приватность предполагало общественный консенсус, позволяющий индивиду контролировать доступ к знанию о собственной личности со стороны других лиц и институтов, и возможность их преднамеренного исключения от доступа к информации. Сегодня вследствие развития информационно-коммуникационных технологий возникает информационная асимметрия: гражданин не знает, кто, когда и с какой целью собирает информацию о нем и как она впоследствии будет использована. Кроме того, хотя пользователи осведомлены о потенциальных угрозах, они зачастую охотно делятся личными данными в обмен на возможность создавать и поддерживать социальные связи в социальных сетях. Некоторые авторы полагают, что, поскольку невозможно отказаться от преимуществ, связанных с использованием цифровых медиа, следует отказаться от старых представлений о приватности и вступить в эру постприватности. Цель исследования – рассмотреть преимущества и риски, связанные с цифровизацией социального пространства. В результате был сделан вывод, что приватность представляет собой значимый для современной личности и демократического общества концепт и отказ от нее может привести к исчезновению права на информационное самоопределение и утрате свободы и автономии.

Ключевые слова: приватная сфера, публичная сфера, личные данные, цифровые медиа, постприватность, парадокс приватности, цифровой паноптикум, информационная асимметрия, информационное самоопределение, свобода и автономия личности

Для цитирования: Чеснокова Л. В. Цифровая медиасреда и проблемы приватности // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 136–145. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.12.

Digital Media Environment and Privacy Issues

Lessia V. Chesnokova

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

Abstract. The digitalization of all spheres of public life has led to the relocation of many social practices to the virtual space. As a result, there are risks of loss of access control to personal information. This raises concerns similar to the digital panopticon. Initially, the right to privacy presupposed a public consensus that allowed an individual to control access to knowledge about his own personality by other persons and institutions, and the possibility of their deliberate exclusion from access to information. Today, due to the development of information and communication technologies, information asymmetry arises: a citizen does not know who, when and for what

purpose collects information about him and how it will be used later. Furthermore, although users are cognizant of potential threats, they frequently consent to the dissemination of personal data in order to establish and cultivate social connections on social media platforms. Some authors believe that, since it is impossible to give up the benefits associated with the use of digital media, it is necessary to abandon old ideas about privacy and enter the era of post-privacy. The purpose of the study is to consider the advantages and risks associated with the digitalization of social space. As a result, it can be posited that privacy is a concept of paramount significance to both modern personality types and contemporary democratic societies. Indeed, the rejection of this concept may ultimately result in an inevitable erosion of crucial rights, including the right to information, self-determination and the very essence of freedom and autonomy.

Keywords: private sphere, public sphere, personal data, digital media, postprivacy, the paradox of privacy, digital panopticon, information asymmetry, information self-determination, freedom and autonomy of the individual

For citation: Chesnokova LV. Digital Media Environment and Privacy Issues. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2025;13(1):136-145. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.12.

Введение

В последние десятилетия в связи с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий меняется жизненный мир человека: его работа, досуг, общение. Происходит стремительная дигитализация всех социальных систем и социальных институтов. Институт СМИ также активно вовлечен в этот процесс. Все больше людей предпочитает использовать цифровые медиа, а не аналоговые. Согласно опросу ФОМ, за последние пятнадцать лет постоянно падает доля лиц, для которых основным источником информации выступают традиционные СМИ, и, напротив, растет доля тех, кто предпочитает цифровые медиа, особенно среди молодежи (см.: [Новостная информация и телевидение ... 2024]).

Эти изменения, с одной стороны, предоставляют человеку новые возможности, упростив доступ к информации и коммуникации, размывая барьеры и границы. Однако, с другой стороны, существует и теневая сторона дигитализации, поскольку ее сопровождают не только преимущества, но и новые опасности. Наибольшее беспокойство вызывают риски, связанные с перспективой утраты контроля индивида над доступом к его личным данным. Это связано с тем, что все больше информации переводится в цифровую форму. Новые технологии могут собирать, хранить, обрабатывать и пересылать огромные объемы данных. Поскольку эту возможность можно использовать не только во благо, но и во зло, всплывает тематика контроля и надзора со стороны государства и бизнеса над приватной жизнью граждан. В средствах массовой информации часто появляются новости, связанные со скандалами, которые вызывает слежка корпораций и спецслужб. Тема бессилия индивида защитить свою информационную приватность в «цифровом паноптикуме» находит свое отражение в литературе, фильмах, средствах массовой информации. Нарратив прозрачного человека, у которого не может быть никаких тайн от государства и общества, – популярный сюжет антиутопий. Следовательно, вопрос о защите информационной приватности и принципиальной возможности контролировать доступ к своим данным является одной из важнейших проблем медиакультуры XXI века.

Сфера приватности

Неприкосновенность частной жизни традиционно относится к основополагающим ценностям западных обществ Нового времени. Часто приватность определяют как один из элементов дихотомии публичное – приватное. Если публичность – это, по определению, гласная, прозрачная, открытая для всех область жизни, то приватность, напротив, ассоциируется с темнотой, непрозрачностью, укромностью, тайной. По словам Х. Арендт, «разница между приватной и публичной сферами сводится в конечном

счете к разнице между вещами, предназначенными для публичности, и теми, для которых нужна потаенность» [Арендт 2000, с. 94]. В сфере частного мы можем укрыться от ослепительного света публичности, от увиденности и услышанности. Частность предполагает общественный консенсус, позволяющий индивиду контролировать доступ к знанию о собственной личности со стороны других лиц и институтов. Право на частность предполагает возможность преднамеренного исключения другого от доступа к информации. «Частное определяется как те аспекты жизни и деятельности, куда личность имеет право не допускать других, т. е. не то, что исключают публичные институты, но то, что сама личность предпочитает держать подальше от публичного внимания» [Трубина 2001, с. 808].

Сегодня термины, связанные с частной сферой, имеют позитивную коннотацию. Там, где человек находится в частной обстановке, он чувствует себя комфортно, «будь то жилищная ситуация, эмоциональная жизнь и интимная сфера, происхождение и семья, состояние доходов, физическое и психологическое состояние, эстетические предпочтения или еще какие-то обстоятельства, сведения о которых можно сообщать только узкому кругу лиц или вообще никому» [Naumann 2018, s. 7]¹. Поскольку частность затрагивает такие чувствительные стороны жизни, она считается благом, требующим уважения и защиты со стороны государства и общества. И, напротив, нарушение границы частного пространства вызывает такие негативные чувства, как возмущение, гнев или страх.

Как отмечает Г. Зиммель, наши действия в социуме построены на обмене информацией друг с другом. Однако существует возможность произвольно регулировать интенсивность этого знания. Человек, в отличие от животных, способен самостоятельно определять в процессе общения степень собственного самораскрытия перед собеседником. Он может о чем-то сообщить, о чем-то умолчать или сознательно ввести партнера по коммуникации в заблуждение. Все люди пользуются этой возможностью, поэтому наше знание о других всегда неполное, а «такая вещь, как полная взаимная прозрачность, изменила бы отношения людей друг к другу совершенно невообразимым образом» [Simmel 1906, p. 448].

В общении социально адаптированные люди руководствуются сдержанностью и осмотрительностью, уважая тайны своего собеседника. По словам Зиммеля, каждого человека окружает «идеальная сфера, различающаяся в различных направлениях и по отношению к разным личностям; сфера, различающаяся по протяженности, в которую нельзя отважиться проникнуть, не нарушив личной целостности индивида» [Simmel 1906, p. 453]. В языке нарушение этого невидимого барьера обозначается такими фразами, как «лезть не в свое дело» или «не видеть границ». Радиус данной сферы отмечает пространство, в которое другой не может пытаться проникнуть, не причинив морального ущерба личности. Потребность в контроле над доступом к личности простирается и далее на материальную область, которая воспринимается как «расширенное Я». Правила сохранения дистанции, сохраняющей честь и достоинство личности, фокусируются вокруг ее территории личности, вещей, ее тела и т. п. Вторжение в этот круг без разрешения воспринимается как насилие над личностью.

Частность представляет собой общественную легитимацию для индивида права не допускать других людей в личное пространство, контролируя доступ в него. Существуют правовые и конвенциональные разграничительные линии между частным и публичным, защищающие то, что в данной культуре считается чувствительным и уязвимым, требующим уважения и невмешательства. «Всегда существовали правила для использования личной информации в коммуникации, которые ранее едва ли были сформулированы в виде законов или норм обычного права, но определялись обществом или его социальными группами» [Schmale, Tinnefeld 2014, s. 32]. Границы между той информацией, которую можно публиковать, и той, которую следовало бы сохранять

¹ Здесь и далее цитаты из иностранных источников даны в переводе Л. В. Чесноковой.

в тайне, изменяются с течением времени. Допустимость или недопустимость разглашения той или иной информации зависит от множества факторов: моральных норм и ценностей эпохи, социальной среды, возраста и пола индивида и т. п. Р. Сеннет пишет об ослаблении публичной культуры в XIX веке в связи со стремлением к мнимой искренности и открытости в общении. Ранее, выступая в публичном пространстве, люди надевали социальную маску подобно актерам. Существовало четкое различие между публичным и частным поведением [Сеннет 2002, с. 26]. В обществе модерна постепенно начали размываться границы этих двух сфер жизни.

Значение приватности

Однако во все эпохи и во всех культурах существовали сведения, которые считались закрытыми для глаз общественности.

С одной стороны, это связано с тем обстоятельством, что, как отмечает Х. Арендт, существует большое число вещей, которые не выдерживают блеска, каким постоянное присутствие других людей заливают публичное пространство (см.: [Арендт 2000, с. 68]). Некоторым вещам нужна потаенность, барьер от увиденности и услышанности миром. В первую очередь это касается телесных проявлений, тайн рождения и смерти, детского возраста, который нуждается в защите от избыточного внимания публики. «Всем нам известна своеобразная поверхностность, какую неотвратно несет с собой проводимая лишь в публичности жизнь. Именно поскольку она насквозь просматривается, она теряет способность восходить из темной подпочвы к яркости мира; она расстается с сумерками и потаенностью, дарящими жизни свою глубину» [Там же, с. 80].

С другой стороны, как отмечает Б. Рёслер, мы ценим приватность по той причине, что возможность контролировать доступ к личности связан с ее свободой и автономией. Защита информационной приватности потому так важна для индивида, что она конститутивна для него как автономной персоны, могущей «иметь (в определенных границах) контроль над своей самопрезентацией, т.е. контроль над тем, как, против кого и в каких контекстах себя презентовать, инсценировать, в каких контекстах действовать. Речь идет о связи между контролем над информацией, свободой самопрезентации и идентичностью» [Rössler 2010, s. 45].

Разные люди (родственники, друзья, коллеги, соседи) знают нас с разных сторон, и контроль над этой информацией создает дифференциацию социальных отношений. Мы действуем автономно в том случае, если у нас есть предположение, что именно другие знают о нас, и возможность регулировать это знание. По этой причине считается, что подслушивание, подглядывание, распространение сплетен и т. п. – недостойные и аморальные поступки. В случае нарушения границ информационной приватности утрачивается свобода поведения, поскольку под гнетом наблюдения человек постоянно вынужден играть роль, жить для наблюдателя, а не для себя. При этом подобное наблюдение не обязательно связано с угрозой каких-то санкций. Достаточно просто наличия наблюдателя для того, чтобы ни одно действие индивида не было автономным, самоопределяемым, а превратилось в «роль, которую играют, предполагая (возможное) присутствие других» [Rössler 2010, s. 47]. Самоопределяемые автономные действия превращаются в действия для другого, для наблюдателя.

Для того чтобы вести себя свободно, мы должны исходить из того, что за нами не подглядывают, нас не подслушивают, информация о нас не передается кому-либо другому без нашего ведома. Приватность возможна в случае соблюдения социальных конвенций и уважения границ личности. Индивид должен иметь возможность контролировать, что именно другие (государство, бизнес, обычные граждане) знают о нем, и действовать в соответствии с этими предположениями и ожиданиями. Нормативная проблема информационной приватности заключается в ответе на вопрос: «Как можно обосновать претензию на право или моральную претензию не быть наблюдаемыми помимо нашей воли или без нашего знания, быть информированными о том, что другие знают о нас, и иметь представления о последствиях, что произойдет, если наши ожида-

ния не оправдаются?» [Rössler 2018, s. 291]. При нарушении социальных конвенций о соблюдении приватности возникает информационная асимметрия: гражданин не знает, кто, в какой момент и с какой целью собирает информацию о нем и как он собирается ее использовать.

Сегодня в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий возникает вопрос: можем ли мы в эпоху цифровых медиа контролировать доступ к своим личным данным? Несмотря на то что правила действуют и сейчас, всеобщая доступность информации может привести к разрушению границы между публичным и приватным пространствами.

История права «быть оставленным в покое»

Вопрос о возможности контроля доступа в эпоху цифровых медиа, когда невероятно упростился доступ к информации, – не новая проблема. Вопрос о существовании права на приватность был сформулирован в связи с появлением массовой прессы и изобретением фотографии. Известные и обеспеченные люди были обеспокоены возможностью распространения прессой информации об их приватной жизни. Впервые вопрос о «праве быть оставленным в покое» (“the right to be let alone”) поставили американские юристы С. Уоррен и Л. Брендейс. Вероятно, требование права на информационную приватность началось со статьи С. Уоррена и Л. Брендейса, которую «спровоцировал гнев Уоррена и бостонской буржуазии на репортеров, против его воли фотографировавших свадьбу его дочери и публиковавших снимки» [Rössler 2018, s. 290].

В данной статье «право быть оставленным в покое» формулируется как «принцип, который защищает личные записи и все другие продукты индивидуального творчества не против воровства и физического вмешательства, но против публикации в любой форме» [Warren, Brandeis 2007, p. 81]. Это принцип неприкасаемости личности, который должен быть введен для того, чтобы «защитить приватность индивида от слишком навязчивой прессы, фотографов, владельцев других средств для записи или репродукции изображений или звуков» [Ibid.]. Общество заинтересовано в том, чтобы приватность граждан была защищена, в том числе и с помощью законов. В своей статье Уоррен и Брендейс ввели термин «приватность» в научный и общественный дискурс, заложив фундамент для дальнейших дискуссий о праве на приватность.

Одной из причин беспокойства представителей привилегированных классов того времени был технический прогресс, проявившийся, в частности, в создании мобильных фотокамер. Возникла опасность того, что можно будет без разрешения делать и публиковать снимки приватной жизни, в результате чего информация из одного социального контекста попадет в другой социальный контекст и будет утерян контроль над распространением личной информации, что приведет к рискам для репутации уважаемых персон. Как отмечает Т. Хагендорф, всегда в том случае, когда появляются новые медиа, распространяющие информацию, – письменность, книгопечатание, фотография или телевидение, – возникает медиापаника, связанная со страхом утраты информационного контроля. «Теория медиапаники предполагает, что новое средство распространения информации морально оценивается за его потенциал угрожать господствующим социальным и культурным нормам. Типичным для медиапанического дискурса является то, что он исходит от более пожилого поколения, которое заботится о молодом поколении вследствие его практик медиопотребления» [Hagendorf 2019, s. 94].

Новый виток медиапаники вызвало распространение компьютеров и интернета. Сегодня об угрозах приватности говорят, в первую очередь, в связи с развитием цифровых медиа. Как две стороны одной медали, критикуется как «приватизация публичного» – в форме персонализации политической и публичной сферы, проявляющейся, в частности, в интересе не столько к деятельности политиков, сколько к их приватной жизни, так и «опубликование приватного», что связано с широким распространением той информации, которая ранее считалась приватной.

Угроза приватности возникает как в связи с вынужденной, так и в связи с добровольной передачей данных.

С одной стороны, индивид рискует лишиться контроля над своими личными данными против своей воли. Интернет-провайдеры, государственные и частные структуры постоянно собирают, хранят и обрабатывают огромные объемы данных. Анализируются действия лиц, совершающих банковские операции, ищущих информацию в интернете, перемещения отслеживаются с помощью камер наблюдения. Современный смартфон, постоянно подключенный к Сети, – это одновременно фото- и видеочамера, диктофон и устройство для геолокации. Существует информационная асимметрия между рядовым гражданином и теми, кто имеет доступ к его личным данным, – никто не знает, кто, когда и зачем собирает информацию о нем и как она будет использована.

Используя цифровые технологии, пользователи постоянно оставляют «цифровые следы». Как отмечает Е. И. Морозова, «онлайн-репутация неотделима от реальной жизни. Все опубликованные тексты, изображения, фото и видео остаются на внешних серверах и недоступны для полного удаления самим пользователем» [Морозова 2015, с. 43]. Все публикуемые в Сети данные собираются и хранятся.

По мнению исследователей [Grimm, Krah 2016, s. 11], личную информацию, которая заслуживает защиты, можно разделить на следующие группы:

- ментальные данные, такие как отношение и чувства;
- базовые пользовательские данные, такие как электронная почта, телефонные контакты;
- данные о домашней, семейной жизни;
- данные о передвижении граждан;
- данные, связанные с личными отношениями;
- данные о потреблении;
- данные о здоровье и теле;
- биометрические, мимические и кинезические данные.

Расширение доступа к информации благодаря цифровым технологиям будет иметь значительные последствия. Сведения, которые постоянно собираются о пользователях Сети, дают исследователям обширную базу для анализа. Можно обрабатывать гигантское количество результатов наблюдений, классифицировать и анализировать их, создавать модели поведения и строить прогнозы с научными, государственными, коммерческими целями.

С другой стороны, хотя на сегодняшний день сохраняется правовая защита и общественное уважение к приватной сфере, однако увеличилось и добровольное опубликование личной информации. «В попытке убежать от растущего отчуждения общества постмодерна люди ищут интимности и осознанности в саморазоблачении» [Schirrmister 2004, s. 88]. В многочисленных ток-шоу и реалити-шоу саморазоблачение превращается в «тиранию публичности».

В то время как в современном мире отдельному человеку становятся доступны блага приватности благодаря наличию отдельного жилья, личных автомобилей, времени на отдых и досуг и т. п., демонстрация чужой приватной жизни вызывает все больший интерес у публики и приносит доходы СМИ. Массмедиа выставляют напоказ то, что ранее считалось приватными тайнами: болезни, смерть, сексуальность, семейные скандалы; они призваны удовлетворить любопытство публики в многочисленных ток-шоу и реалити-шоу. В СМИ размывается граница между публичной и приватной сферами жизни, происходит депривация приватного. Сегодня индивид «оказывается в “зоне тотального перехода”, которая находится между автономной реальностью и подключением к виртуальным информационным мирам. Это подразумевает не только повседневное проживание в таких мирах, но и ценностно-смысловой переход между внешним и внутренним, индивидуальным и массовым, частным и общественным» [Drozdova 2020, p. 449].

Любопытство публики монетизируется благодаря вторжению в частную жизнь. Социальные сети поддерживают желание современного человека быть увиденным и услышанным, поскольку «субъект позднего модерна занят не только самореализацией, но и тем, чтобы продемонстрировать вовне свою подлинную и привлекательную жизнь» [Дроздова 2022, с. 59].

Парадокс приватности

Исследователи обращают внимание на так называемый парадокс приватности, который представляет собой противоречие между беспокойством о сохранении приватности и реальным поведением: «хотя многие пользователи проявляют теоретический интерес к своей приватности и поддерживают позитивное отношение к действиям по защите приватности, это редко выливается в реальные действия, защищающие приватность» [Barth, de Jong 2017, p. 1039].

Хотя пользователи осведомлены о потенциальных угрозах, они зачастую охотно делятся личными данными в обмен на какие-то блага и удобства, такие как возможность создавать и поддерживать социальные связи, получать признание и поддержку, выражающиеся в виде лайков и одобрительных комментариев. Кроме того, пользователи, высказывающие обеспокоенность по поводу доступа к личной информации, больше думают о том, что их посты будут доступны для других пользователей, а не о том, что возможен сбор личных данных провайдерами или другими структурами. Как следствие, «возникает противоречие между желанием раскрыть себя, с одной стороны, и желанием защитить собственную приватность – с другой» [Чеснокова 2021, с. 25].

В результате как добровольного, так и недобровольного допущения других акторов в частную сферу индивида меняется отношение людей к принципиальной возможности сохранения приватности. Зачастую возможность контролировать доступ к личной информации кажется иллюзорной. Многие полагают, что поскольку в цифровую эпоху технически невозможно сохранить контроль над личной информацией, защита данных больше не может быть обеспечена. Следовательно, необходимо отказаться от претензий на приватность в том виде, в котором она существовала ранее.

Эпоха постприватности

Исследователи называют нашу эпоху эпохой постприватности – временем после исчезновения частной сферы. Наш век – век интернета, т. е. сети, «состоящей из интеллигентных машин – “компьютеров”». Они питаются информацией, которую мы предоставляем. Они сохраняют эту информацию, обрабатывают ее и рассылают повсюду... Сеть раскинула свои щупальца по всему миру. Она хочет все знать об этом мире. Ее хранилище памяти бесконечно велико, и соответственно велик ее голод на информацию, данные. Такие табу, как защита данных или государственные тайны, ее любопытство не ведает» [Heller 2011, s. 8].

Все больше сфер социальной жизни людей переносятся в Сеть – «почти всё заключено в нее, увековечено в ней и циркулирует в ней. Тот, кто сегодня не хочет потерять включение в жизнь, должен принимать участие в Сети. И для этого он превращается в кровь, в жизненный сок Сети: в машиночитаемую информацию, в данные. Чтобы играть в эту игру, мы отдаем любопытству Сети то, в чем она нуждается» [Heller 2011, s. 8].

Регистрируясь на любом портале, мы оставляем личную информацию: имя, место и дату рождения, образование, профессию, иногда хобби, религиозные убеждения, политические предпочтения. Осуществляя банковские операции, поиск информации в Сети, делая покупки, общаясь с коллегами, друзьями и знакомыми, скачивая книги и фильмы, – мы предоставляем Сети огромное количество личных данных. В обмен на это мы получаем возможность создания новых социальных связей и самоутверждения. Многие социальные практики переносятся в Сеть. Само общество вынуждает нас участвовать в онлайн-коммуникациях, поскольку «отказаться в этом участвовать

в настоящее время означает отказаться от социальной жизни» [Чеснокова 2022, с. 46]. Социально активный человек неизбежно пользуется информационно-коммуникационными технологиями. В результате, «вероятно, машины Сети знают о нас больше, чем мы сами, наши родители и наши друзья, вместе взятые. То, что мы глобальному мозгу интернета не сообщаем о себе напрямую, он при необходимости узнает сам, не спрашивая нашего разрешения» [Heller 2011, s. 15].

Следовательно, невозможно в современном мире сохранить приватность в той форме, которая существовала до внедрения интернет-технологий. Все больше фактов и событий превращается в цифровые данные. Требования сохранить контроль над доступом к личной информации невозможно исполнить.

Как отмечает Т. Хагендорф, наша зависимость от цифровых медиа постоянно растет. «Очевидно, что момент технического развития берет верх над требованиями приватности, защиты данных, информационного самоопределения, информационной безопасности и т. д. В то время как сегодняшнее общество можно уже определить как общество постприватности, в дискуссиях и далее говорится о приватности, хотя то, что требуется, – по большому счету невозможно исполнить» [Hagendorf 2019, s. 96]. В настоящее время невозможно остаться в стороне. Плата за комфорт использования цифровых технологий – доступ к личной информации. В результате более невозможно удержание привычного уровня приватности и защиты личной информации. Следовательно, всем придется приспосабливаться к жизни в новых условиях – в обществе постприватности.

Последствия отказа от приватности

Здесь возникает вопрос о том, насколько сохранит человек свою свободу и автономию в обществе постприватности. Современные цифровые медиа «способствуют большему размытию границы между публичностью и приватностью» [Пронкина 2016, с. 316]. Однако отказ от приватности может привести к реализации антиутопического сценария о полностью прозрачном мире и стеклянном человеке. Технологии обеспечивают постоянный, незамечаемый, но тотальный контроль, подобно проекту идеальной тюрьмы И. Бентама, автора книги «Паноптикум», построенной таким образом, что стражник в любой момент мог видеть любого заключенного, а тот не знал, в какой момент за ним наблюдают. В результате, как отмечает М. Фуко, произошла интернализация тюремных правил, заключенные вели себя так, словно за ними наблюдали постоянно. Роль надзирателя начинают исполнять сами члены общества, самостоятельно контролируя друг друга. Теперь нет «никакой потребности в оружии, в физическом насилии, в материальном принуждении. Просто наблюдающий взгляд. Взгляд, с которым каждый, ощущая, как он тяготеет над ним, придет в конце концов к тому, что интериоризирует его настолько, что будет наблюдать самого себя, и, таким образом, каждый будет осуществлять подобное наблюдение над самим собой и против самого себя» [Фуко 2002, с. 233]. И такой надзор потребует очень мало расходов.

Фуко переносит этот образ тюрьмы на общество как целое. Это образ редуцированного до идеальной формы механизма власти, его функционирование, которое абстрагировано от любого препятствия, от любого сопротивления.

«Сегодня в глобальном паноптиконе оказываются все те, кто ради комфорта жизни или безопасности доверяют часть своих функций электронным гаджетам» [Емелин 2014, с. 22]. В результате постоянного контроля люди могут ограничивать свои высказывания, введя самоцензуру и запуская «спираль молчания» из страха перед возможными репрессиями. «В итоге этот цифровой паноптикум приводит к ситуации “войны всех против всех”, более того – существенно облегчает возможность организации общественной “травли”. Таких примеров в современных СМИ множество – из наиболее свежих можно назвать целый ряд “вирусных” кампаний травли известных личностей за “неполиткорректные” высказывания» [Труфанова 2020, с. 63–64].

Изменится сознание человека. Общественные процессы, которые приводят к выставлению напоказ личной жизни в интернете, и слежка под самыми разными предлогами могут привести к тому, что вместе с утратой приватности возникнет риск утраты свободы и автономии. С потерей конфиденциальности информация о социальных контактах, политических взглядах, личном мировоззрении, информация о финансовых проблемах или даже информация о проблемах со здоровьем будет легко обнародована и, возможно, также может подвергнуть человека социальному давлению. Как отмечает Е. О. Труфанова, человек рискует за любое высказывание превратиться в мишень для общественного порицания: «В глазах общественности не только серьезный проступок, но и случайный промах оказываются “информационным поводом”, который становится заметной частью биографии человека» [Труфанова 2021, с. 29]. Поэтому постприватность может означать не более высокую степень свободы и доступ к социальным контактам, а утрату свободы и автономии, ограничение возможностей человека распоряжаться своими личными данными, поскольку «приватность – это важное культурное наследие, ключевой код свободы индивида и открытой демократии» [Schmale, Tinnefeld 2014, s. 11].

Заключение

Таким образом, распространение новых медиа тесно связано с проблемой приватности. Цифровые технологии играют огромную роль в жизни современного человека. Все больше сфер жизни приобретает цифровой формат. Благодаря новым техническим устройствам (смартфоны, планшеты, Интернет вещей), новым средствам коммуникации (блоги, социальные сети, приложения) медиа размывают границы, устраняют коммуникационные ограничения, предлагают пользователям новые возможности и удобства. Но зачастую платой за новые возможности является отказ от контроля над доступом государства, общества и других индивидов к собственной приватной жизни. Люди как вынужденно, так и добровольно оставляют множество личной информации – «цифровых следов» в Сети. Приватность в том виде, который существовал до внедрения новых технологий, более невозможна.

В результате меняется отношение к приватности. Исследователи полагают, что мы вступаем в эпоху постприватности, подразумевающей отказ от претензий на контроль над личной информацией. Теряется право индивида на информационное самоопределение. Однако информация означает власть над человеком. Если все действия человека в Сети будут постоянно отслеживаться и регистрироваться, интернет грозит превратиться в инструмент наблюдения и контроля, а индивид утратит свою свободу и автономию.

Список источников

- Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. СПб. : Алетей, 2000. 437 с.
- Дроздова А. В. Трансформация повседневных практик в цифровой реальности // *Вестник Гуманитарного университета*. 2022. № 1 (36). С. 56–62.
- Емелин В. А. Утрата приватности: идентичность в условиях технологического контроля // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 2 (14). С. 19–26. DOI 10.11621/prj.2014.0203.
- Морозова Е. И. Электронный след личности: вынужденная публичность // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2015. № 3 (17). С. 42–45.
- Новостная информация и телевидение. Источники новостной информации: доверие и предпочтения россиян // *Фонд Общественное Мнение* : сайт. 27.02.2024. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14984> (дата обращения: 17.11.2024).
- Пронкина Е. С. Режимы публичности и приватности в социальных медиа // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 4. С. 315–321. DOI 10.17805/zpu.2016.4.28.
- Сеннет Р. *Падение публичного человека* / пер. с англ. О. Исаевой и др. М. : Логос, 2002. 424 с.

- Трубина Е. Г. Публика // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Интерпрессервис : Книжный дом, 2001. С. 808–810.
- Труфанова Е. О. Идентичность личности в цифровую эпоху: утрата приватности, границы ответственности // *Studia culturae*. 2020. № 3 (45). С. 59–68.
- Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 1. С. 14–38. DOI 10.46539/gmd.v3i1.130.
- Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса. М. : Праксис, 2002. С. 220–248.
- Чеснокова Л. В. Проблема безопасности личных данных и феномен постприватности в цифровом обществе // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 4. С. 39–48. DOI 10.21209/1996-7853-2022-17-4-39-48.
- Чеснокова Л. В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2021. № 2 (20). С. 22–38. DOI 10.17726/phillT.2021.2.2.
- Barth S., de Jong M. D. T. The privacy paradox – Investigating discrepancies between expressed privacy concerns and actual online behavior – A systematic literature review // *Telematics and Informatics*. 2017. Vol. 34, issue 7. P. 1038–1058. DOI 10.1016/j.tele.2017.04.013.
- Drozdova A. V. The Dichotomy of Public/Private in the New Media Space // *Changing Societies & Personalities*. 2020. Vol. 4, no. 4. P. 441–456. DOI 10.15826/csp.2020.4.4.110.
- Grimm P., Krahn H. Ende der Privatheit? Eine Sicht der Medien- und Kommunikationswissenschaft // *ZBW-mediataalk*. 2016. 26 p. URL: https://www.zbw-mediataalk.eu/wp-content/uploads/2016/08/Ende_der_Privatheit_Grimm_Krahn.pdf (access date: 17.11.2024).
- Hagendorf T. Post-Privacy oder der Verlust der Informationskontrolle // *Privatsphäre 4.0. Eine Neuverortung des Privaten im Zeitalter der Digitalisierung* / hrsg. von H. Behrendt, W. Loh, T. Matzner, C. Misselhorn. Berlin : Metzler, 2019. S. 91–106.
- Heller Ch. Post-Privacy. Prima leben ohne Privatsphäre. München : Beck, 2011. 174 S.
- Naumann B. Einleitung. Privatheit – das obscure Objekt // *Figurationen: Gender, Literatur, Kultur*. 2018. Vol. 19, no. 1. S. 7–12. DOI 10.7788/figurationen-2018-190104.
- Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin : Suhrkamp, 2018. 443 S.
- Rössler B. Privatheit und Autonomie: zum individuellen und gesellschaftlichen Wert des Privaten // *Die Grenzen des Privaten* / hrsg. von S. Seubert, P. Niesen. Baden-Baden : Nomos, 2010. S. 41–57.
- Schirmermeister C. Geheimnisse. Über die Ambivalenz von Wissen und Nicht-Wissen. Wiesbaden : Deutscher Universitätsverlag, 2004. 156 S.
- Schmale W., Tinnefeld M.-Th. Privatheit im digitalen Zeitalter. Wien : Böhlau Verlag, 2014. 207 S.
- Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies // *American Journal of Sociology*. 1906. Vol. 11, no. 4. P. 441–498.
- Warren S. D., Brandeis L. D. The Right to Privacy // *Philosophical Dimensions of Privacy : An Anthology* / ed. by F. Schoeman. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 75–104.

Информация об авторе

Леся Владимировна Чеснокова, канд. филос. наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии, ФГАОУ «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия).

Information about the author

Lessia V. Chesnokova, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. at History, Sociology and Political Science, Dostoyevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 18.11.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 02.12.2024.

Принята к публикации | Accepted 02.12.2024.